

УНИКАЛЬНАЯ
АВТОБИОГРАФИЯ
женщины-эпохи

Валентина
Полкунова

Я не могу иначе

Жизнь,
рассказанная
ею самой

МОСКВА

2016

УДК 784.6.071.2(47+57)
ББК 85.364.1
Т52

Автор-составитель *Анна Староминская*

Фотография на переплете: *Лев Шерстенников / Russian Look*

Фотографии на шмуцах:

Татьяна Мусатова, Владимир Федоренко / РИА Новости;

Архив РИА Новости;

Лев Шерстенников, Роман Яровицкий / Russian Look

Толкунова, Валентина.

Т52 Я не могу иначе : жизнь, рассказанная ею самой / Валентина Толкунова. — Москва : Издательство «Э», 2016. — 192 с. : ил. — (Уникальная автобиография женщины-эпохи).

ISBN 978-5-699-85895-8

«Мне бы впору родиться в позапрошлом столетии — настолько знакомым кажется XIX век. По сути своей я все-таки оттуда, там мне все близко».

Валентина Толкунова

Эта книга — уникальная автобиография Валентины Толкуновой, рассказанная ею незадолго до ухода из жизни. В конце пути, уже зная, что она безнадежно больна, великая певица делится личным пониманием мира и своей жизни в искусстве, по-настоящему раскрываясь и переосмысливая все самое сокровенное.

При жизни Валентина Толкунова была человеком достаточно закрытым, близко к себе подпускала не всякого. И вот теперь ее голос звучит нежной флейтой со страниц книги, трепетно приоткрывая ту «затаенную красоту души», которую эта блестящая русская певица видела в каждом, которой она сама обладала в полной мере.

УДК 784.6.071.2(47+57)
ББК 85.364.1

ISBN 978-5-699-85895-8

© Староминская А.А., 2016
© Издание, оформление.
ООО «Издательство «Э», 2016

Из памяти...

Народный артист СССР

Иосиф Кобзон

Профессия артиста всегда казалась заманчивой, привлекательной, интересной для многих. Эстрада не знала недостатка в певцах и актерах, и по сей день это так.

Валя Толкунова относилась к тем молодым, красивым людям, что стремились на сцену, в музыку, в сферу культуры. Выдающимися вокальными данными она не обладала, да и не претендовала на это, но была поистине музыкальна, с приятным, душевным тембром голоса.

В самом начале своего пути, в ВИО-66 под руководством Юрия Саульского, она набиралась опыта, исполняя джаз и готовя себя к карьере эстрадной певицы. После расставания с Саульским Валентина оказалась в одиночестве, как в личном, так и в твор-

ческом смысле. Мы с ней встретились, и я спросил: «Чем сейчас занимаешься?» Она ответила: «К сожалению, ничем». Я предложил Валюше прийти к нам, в Москонцерт. В то время существовал художественный совет, и она пришла на прослушивание. Нельзя сказать, что Валя произвела на членов совета сильное впечатление, но концертов в то время было в избытке, имелась возможность работать, и я настоял на том, чтобы она осталась в Москонцерте.

К счастью, Игорь Крутой оказался свободен как аккомпаниатор и руководитель музыкального коллектива, и они несколько лет концертировали вместе. Потом Валя Толкунова работала с блистательным пианистом Давидом Ашкенази, подарившим ей необычайное творческое вдохновение. На протяжении долгого времени они выходили на лучшие площадки СССР, у нее появились первые шлягеры, которые запела вся страна: «Поговори со мною, мама», «Серебряные свадьбы», «Носики-курносики», а позднее — пронзительная, трагическая песня «Мой милый, если б не было войны».

Валя была красивой женщиной и привлекала не тем, чем сейчас принято привлекать публику: сексуальными нарядами или природными формами, выставленными напоказ. Она выходила скромно одетая, с длинной роскошной косой, такая светлая, уютная, своя... Многие воспринимали Валью как сестру, дочь, подругу, потому что ее песни были по-

нятны и близки людям. Любая женщина могла исполнить у себя на домашнем празднике весь репертуар Толкуновой — настолько легко запоминались тексты и мелодии, согревая душу.

Будучи уже народной артисткой РСФСР и зная всех коллег по сцене, Валя держалась вдалеке от интриг, сплетен, закулисных игр. Все мы так или иначе обсуждали друг друга, были в курсе происходящего в семьях, она же не принимала участия в этих разговорах.

К сожалению, личная жизнь Толкуновой не удалась. Она была бесконечно счастлива рождению сына Николая, говорила о нем не иначе как: «Мой Коленька!», но даже Коля, повзрослев, не принес ей радости, и что бы сейчас ни говорили, будто он всегда находился рядом, — это не так.

Валя была очень одинока. Я не боюсь этого определения, потому что такова правда. Ее супруг, писатель, журналист-международник Папоров, находился на другом краю земли; понять и принять Валину потребность жить творчеством ему оказалось непросто, и они продолжали жить в разных концах планеты.

У нас с Валею есть общие друзья в Украине. Мы часто бывали с ней в Киеве по приглашению народного артиста Украины Яна Табачника, вместе ездили в Петербург, часто встречались на общих концертах и, как сейчас принято говорить, на корпоративных мероприятиях. Вся жизнь фактически прошла бок о бок.

 Валентина Толкунова

Толкунова была, есть и остается для любого артиста того периода, а также всех людей среднего возраста очаровательной женщиной и замечательной певицей, которая излучала тепло и свет. Я считаю, ее нишу никому занять не под силу, потому что к такому репертуару необходима ее душа. Валентине было дано исполнять проникновенно и светло даже такие песни, как «Мы на лодочке катались», а это задача далеко не из простых.

Толкунова никогда не выставляла напоказ свою религиозность, хотя являлась глубоко верующим человеком. Она была просто удивительной: высокопорядочной, исключительно коммуникабельной, но при этом ненавязчивой, тактичной, деликатной и скромной, подчас до застенчивости. Такой я ее знал и такой буду вспоминать.

Народный артист России

Игорь Крутой

Впервые мы встретились с Валентиной Васильевной у нее дома, в однокомнатной квартире на улице Чехова. Привел меня к ней главный администратор Театра им. Ленинского комсомола Николай Анатольевич Басин, чтобы поговорить о создании оркестра — эта идея была приоритетной для Толкуновой в тот период времени. Обычно она работала под аккомпанемент пианиста или выступала с оркестром Юрия Васильевича Силантьева. Меня привели «на смотрины» в качестве музыкального руководителя коллектива. Как только я дал свое согласие, у нас начались довольно интенсивные встречи.

Следующая наша встреча состоялась уже на улице Горького — Валентина Васильевна получила там квартиру. Я пришел в самом разгаре репетиции пес-

ни «Мой милый, если б не было войны» с Давидом Ашкенази и мгновенно окунулся в особую, толкуновскую атмосферу. Песня, безусловно, великая: музыка Марка Минкова, стихи Игоря Шаферана и, вдобавок ко всему, великий аккомпаниатор. Вот так я, с места в карьер, оказался в гуще событий. Над песней Толкунова работала уникально. Давид Владимирович многое ей подсказывал, она чутко реагировала, и для меня эти полтора часа пролетели как одно мгновение. Надо сразу отметить, что опыт, приобретенный за шесть лет работы с Толкуновой, очень пригодился мне в дальнейшем.

У нее был свой подход к песне, к тому, как должен звучать оркестр, хотя в этом вопросе я зачастую был с ней не согласен; мы много спорили, обсуждали музыкальные нюансы. Я набирался опыта на гастролях и четче понимал, какими именно должны быть аранжировки для Толкуновой, какие инструменты мы задействуем дополнительно. В итоге мы рискнули и ввели в ансамбль домры, что было довольно необычно для вокально-инструментальной группы.

Валентина Васильевна — суперпрофессиональная певица. Что бы у нее внутри ни происходило, она относилась к гастролям и к публике с необычайным уважением, а публика это чувствовала и отдавала ей свою любовь.

Мы неоднократно выступали на огромных площадках (я пришел в тот момент, когда она еще собирала дворцы спорта), но преимущественно залы были тысячными-полуторатысячными. Люди, приходившие послушать Толкунову, бесконечно обожали ее, от первого до последнего зрителя. Ей писали записки «Вы вернули меня к жизни», «Я думал, что жизнь закончилась, и только Ваш голос помог», «Вы подарили мне новое понимание счастья». Такая переписка с любимой певицей шла на протяжении всей ее творческой жизни; люди писали ей, находясь в состоянии нервного срыва и прося о помощи — или выражая глубокую признательность за свет, который она излучала. Для своей публики Толкунова была богиней, посланницей свыше. Поклонники ее обожествляли, исцелялись ею и даже говорили, что ее песни облегчают физическую боль.

Валентину Васильевну очень любила наша армия. Каждый год мы ездили по линии ЦДСА (Центральный дом Советской Армии) в разные войска, ежегодно гастролировали по Германии и Польше. Польшу я запомнил особо отчетливо, поскольку в то время готовился к поступлению в консерваторию и параллельно с концертами разучивал программу к экзаменам: нашел себе в Доме офицеров пианино и бегал туда заниматься.

Гастроли в Германии были настоящим праздником: после каждого концерта случались пышные

банкеты. Толкунова никогда не чуралась нас, музыкантов, и всегда приглашала к активному участию в веселье, просила говорить тосты, чтобы мы учились свободно и непринужденно общаться. Она и сама любила поднять бокал и сказать несколько хороших фраз, причем говорила красивым, образным и правильным языком, великолепно выражая свои мысли. Наиболее ценным я всегда считал глубокий смысл, неизменно присутствовавший в ее речах.

Хочу заметить, Толкунова была непростым человеком. Не всегда тот образ, который она несла со сцены, соответствовал ей на все сто, хотя во многом, конечно же, это была она, настоящая. С одной стороны, Валентина Васильевна могла на сцене при любых обстоятельствах собраться, взять себя в руки и сохранить особую подачу; с другой стороны, бывали моменты, когда во время песни она оборачивалась к нам, музыкантам, и с ее лица сходило лучезарное выражение. Таковым было присущее ей мастерство, личный профессионализм.

Поначалу я рассматривал работу с Валентиной Васильевной как возможность иметь стабильный заработок, опереться на известное имя. Уже потом у нас сложились теплые творческие и человеческие отношения.

Работая в коллективе Толкуновой, я благодаря Николаю Анатольевичу Басину параллельно выступал и с Володией Мигулей, и с Евгением Леоновым, и

с Михаилом Сметанниковым, которому мы аккомпанировали в большой программе, насыщенной романсами и удивительно красивыми композициями. Я сдружился с Леоновым, он искренне и трогательно переживал за меня, а как-то раз предложил: «Давай мы с Валею сходим и попросим для тебя квартиру». Исходила эта идея от него, а Валентина Васильевна охотно ее поддержала. Все вместе мы приехали к Игорю Шахманову, вошли в кабинет, и Леонов буквально упал ему в ноги. Первый секретарь совершенно опешил, но вовремя кинулся поднимать Евгения Павловича.

Сначала Шахманов предложил выделить мне кооператив, но Толкунова мгновенно парировала: «У него же нет денег!», и это было чистой правдой — денег у меня тогда действительно не было. Тогда он распорядился найти комнату в коммуналке, с соседкой не младше восьмидесяти лет. Так, благодаря Валентине Толкуновой и Евгению Леонову я получил свою первую жилплощадь в Москве.

Поездка к первому секретарю была всецело их инициативой: во-первых, Леонов очень тепло, по-отечески ко мне относился; во-вторых, они знали, что я разошелся с женой и переезжаю с одной съемной квартиры на другую. Для меня было сделано важное и доброе дело.

Мы не испытывали недостатка в гастроях; концерты проходили интересно, при неизменных ан-

